

Хранитель памяти народной

Пётр Николаевич Щербаков — уникальный человек, которого в районе знают многие жители. Он неравнодушен ко всему происходящему, строгий и одновременно добрый, с хорошим чувством юмора. Активный и инициативный гражданин живёт в Ездоченском сельском поселении, в Долгой Яруге, а если быть точнее, то в селе Некрасовка, которого уже давно нет на карте. 85-летний пенсионер рассказал о своём жизненном пути, буднях и поведал, как стал единственным жителем в родном населённом пункте.

Война, что ты сделала, подлая?

Пётр Николаевич родился 4 апреля 1934 года. Он поделился воспоминаниями о детских годах, которые выпали на время Великой Отечественной войны. Признался, что семья жила небогато, не смотря на то, что держала хозяйство. Когда русский народ проходил через испытания немецко-фашистских захватчиков, маленькому Пете было семь лет.

— В июле 1942 года началась немецкая оккупация. Незваные гости шли в наше село шеренгой, все одетые с иголки, уверенные в своих силах, не обращали внимания на то, что их окружало. Им не было никакого дела до наших житных полей, в которых уродилась знатная рожь. Бывало, зайдёшь туда, и тебя никто не найдёт из-за высоты колосьев. Эти гады всё вытоптали! Односельчане плакали и не могли с этим ничего сделать, — начал разговор мой собеседник.

Однажды немцы выгрузили несколько мешков пороха. Пенсионер отметил, он был вездесущим мальчуганом, которому нужно было всё посмотреть и попробовать:

— Я крал порох, однажды так увлёкся этой работой, что потерял бдительность и не заметил рядом немца. Он схватил меня за руку и куда-то потащил. В помещении была горелка, как сейчас помню, я в холстинных штанишках, мать мне ещё не покрасила их сажей. На груди висел крест на суровой нитке, который со злостью сорвал с меня фашист. Он отогнул душу, чтоб можно было взять и подержать его плоскозубцами над огнём. Я ни о чём не догадывался, тоже смотрел заворожённо. Немец наказал меня и прислонил мне раскалённый крест к груди. Было больно и обидно, я с криками убежал к маме. Она приложила мне картоху прямо к волдырю и отругала за шалости.

Под прицелом страха и смерти

Когда немец пришёл в деревню, Щербаковы и ещё пять семей спрятались в большой яме, которую выкопал у себя сосед Никита Иванович для хранения овощей. Все сидели тихо, знали, что рядом ходят фашисты. Когда услышали немецкую речь, у всех заколотилось сердце:

— Я был ещё совсем пацаном, особо ничего не понимал, но внимательно наблюдал за взрослыми. Уж если и они боятся и все дрожат, то и мне следует задуматься. Тревожное чувство перешло и ко мне. Мы не остались незамеченными. Немцы как раз вели русского солдата и поняли, что рядом есть кто-то ещё. Пленный по указке фашиста обратился к нам. Солдат рассказал, что немец хотел нас расстрелять и уже направил автомат вниз, но почему-то передумал. Иноземцы приказали выходить всем по одному. Мы всё сделали так, как велели, мысленно готовились к смерти, — вспоминает Пётр Николаевич.

Потом послышался шум, оказывается, сбежал пленный, ускакал на лошади. Мы

Единственный житель села Некрасовка Пётр Николаевич Щербаков у своего дома

слышали выстрелы. Бой, конечно же, был неравный. Вечером немцы вывели других невольных — четыре солдата и майора. Молодых они расстреляли, а старший отбивался, смерть застала его позже на свекловичном поле, его там же и погребли.

— Четверых рядовых запрещали предавать земле, немцы угрожали расстрелом, если кто ослушается. Днём к погибшим никто подойти не мог, а вот ночью сельчане продумали план и осуществили задуманное. Моя родная сестра Евдокия и соседка Мария Стефановна несли солдат на себе, шарахались от каждого звука, но всё-таки завершили начатое дело. Похоронили как смогли, присыпали сверху землёй и травой, чтоб немец не догадался. Пока в селе были фашисты, все молили Бога, чтобы остаться в живых да не упасть духом.

После освобождения села все трудились в колхозе на благо Родины, отправляли доблестные солдатам на фронт, для них не жалели ни сил, ни времени. Сами же варили суп из лебедей, по осени запасались дикими грушами и яблоками, собирали жёлуди, из которых потом пекли лепёшки. Приходилось есть макуху, кусочек откалывали и смаковали его, чтобы утолить чувство голода. 9 мая 1945 года в полдень утра в селе появился всадник, который сообщил радостную новость: «Война закончилась!». Всем селом пошли на митинг в новомасловский совет, где узнали от председателя об уроне, который нанесли немецко-фашистские захватчики.

Сложные переплёты судьбы

После войны Пётр Николаевич окончил семь классов, поступил в Ленинградское железнодорожное училище. Женится, в браке родилась дочь Татьяна. Но, к сожалению, счастье оказалось недолгим:

— Мы ехали к тестю в Ездочное, машина перевернулась, и жена погибла. Благо дочку с собой не брали. Пьяный шофёр уснул за рулём. Тяжело было, тёща простить не могла, да и я долго переживал. Мне нужно было думать не только о себе, но и о ребёнке. Встретилась мне хорошая женщина — Таисия Ильинична, за дочкой тщательно смотрела, приняла, как родную. Трудолюбивая была, 38 лет проработала в магазине, ни одного нарекания. Портрет её был занесён на Доску почёта. Я до сих пор все грамоты храню. Прожили мы 53 года, а потом Таисия ушла от меня на тот свет, вот один и живу уже второй год.

Пенсионер признался, одному вести хозяйство плохо, вдвоём всё же веселее, но жениться уже время ушло, да и примаком быть не хочется. На вопросы, не скучно ли одному и с кем общается, удивлённо отвечает: «Да с кем же тут разговаривать? С собаками, да курами».

Обычный день дедушки начинается в три ночи. Он идёт во времянку и начинает топить дом и варить пищу. В первую очередь думает о своих подопечных — готовит мешанку курам, а собакам кашу. Вот и проходит время незаметно, то воду нужно принести, то дров наколоть.

— Магазины как такового у нас нет. Дочка приезжает из Белгорода, у нас полное взаимопонимание. Она — моя главная помощница. Также приходит соцработница. Что закажу, то и привозят мне, но надо экономить. Внуки Юрий, Олег и правнуки Максим, Денис и маленький Лёвушка часто приезжают. Я уже привык один, уезжать с родного села не хочу и не вижу смысла.

Память неизвестных солдат

В страшном испытании погибли 18 яружан, почти что половина деревни, Пётр Николаевич всех их знал. В 1985 году поставил скромный памятник, который потом перенесли на кладбище, в 2015 году заменил его на гранитный, всё сделал на свои средства. Это был большой праздник для села, администрация накрыла столы, а батюшка осветил место захоронения. Теперь каждый год все собираются там в День Победы. До этого вёл активную работу, общался в военкомат, кого не стало. Региональное отделение международного фонда «Российский фонд мира» подарил ему книгу за неравнодушие и помощь.

Пётр Николаевич помнит всё, как будто это было вчера. Мадьяры убили председателя колхоза 23 января, за шесть дней до освобождения Чернянки. Немцы нахлынули со стороны Ездочного. Кричали на нашем языке: «Русь, сдавайся, нас много, а вас мало!». Но наш народ смог прогнать их.

— Утром было морозно, тогда температура доходила до минус 30. Обувать нечего, я в лаптях. Мать помогала мне их правильно наматывать. Пошли на похороны, а за Яругой валялись наши солдаты. Я бегал, всех их рассматривал, они были совсем мёрзлыми. Дед один подъехал на лошади, взял солдат за плечи и оттащил на кладбище, потом пришёл за остальными.

Их закопали вместе с председателем. Жалею, что не догадался поискать у погибших в карманах документы, чтобы знать, кого не стало. Прошло время, сын председателя Виктор приехал в село. Я попросил разрешения откопать двух солдат и закопать их отдельно. Он и кажет: «Петь, дело такого порядка, кто ж знает, какие ты кости возьмёшь, отцовские или рядовых. Лучше хай они лежат, а если ты желаешь — сделай памятник. Вот так и пришла идея увековечить память яружан».

Исчезнувшая деревня

Пётр Николаевич всегда отзывается о малой родине тепло. Уверен, где человек родился, там он и пригодился. Раньше в Некрасовке было 75 домов. Когда Хрущёв стал руководителем, он посчитал малые сёла неперспективными. В 1961 году их перестали финансировать.

— Здесь же были конюшня, овчарни, коровники. Люди огорчались и понимали, что всё придёт в упадок, начали уезжать, ведь даже воды не было. Я написал депутату, что стольпинские колодцы на яру пришли в негодность. Прошло дней десять, приезжают ко мне пять человек. С тетрадочкой один, все представляют. Спрашивают, я ли это писал. Говорят, что не увидели ни одного колодца по деревне. А я кажу: «Их и не было, только на яру».

— А где ж вы воду берёте?

— Иду в тракторный парк, прошу мужиков привезти воды. В свою тару слил — им бутылку самогона. Так и говорю им, это ж раньше такая плата была. А зимой легче прожить. Ночью набираю снега и ставлю его на грубу. Он растает, и пью, вода же прокипятится.

У каждого свои ценности. Пётр Николаевич хранит всё, что напоминает ему о важных минутах жизни, и всегда делает пометки. Например, на колодце он написал благодарность тем, кто помог его установить. В завершение разговора пенсионер сказал, что Некрасовки уже давно нет, но память о ней жива.

Неподалёку от дома Петра Щербакова стоит знак, который он изготовил своими руками. На деревянном щите старательно выведены буквы: «Прости нас, родная, что тебя уберечь не смогли».